

НАТАЛЬЯ
НЕСТЕРОВА

**Редакционно-издательская группа
«Жанровая литература»
представляет книги
НАТАЛЬИ НЕСТЕРОВОЙ**

А в остальном, прекрасная маркиза...

БАБУШКА НА СНОСЯХ

ВОСПИТАНИЕ МАЛЬЧИКОВ

ВЫЗОВ ВРАЧА

ВЫЙТИ ЗАМУЖ

ДАВАЙ ПОЖЕНИМСЯ!

ДВОЕ, НЕ СЧИТАЯ ПРИЗРАКОВ

ДЕВУШКА С ПРИВЕТОМ

ЗА СТЕКЛОМ

ИСПЕКЛИ МЫ КАРАВАЙ

ИЩИТЕ КОТА

Конкурс комплиментов и другие рассказы от первого лица

КОШКИ-МЫШКИ

ЛЮБОВЬ БЕЗ СЛОВ

НЕПОДХОДЯЩИЙ ЖЕНИХ

О ЛЮБВИ

ОДНАЖДЫ ВЕЧЕРОМ

ОТПУСК ПО УХОДУ

ПОЗВОНИ В МОЮ ДВЕРЬ

ПОЛИНА СЕРГЕЕВНА

ПОРТРЕТ СЕМЬИ

ПРОСТИТЕ МЕНЯ!

СДЕЛАЙТЕ ПОГРОМЧЕ

ТАТЬЯНИН ДОМ

ТОЧКИ НАД «Ё»

ТЫ НЕ СЛЫШИШЬ МЕНЯ

УКУС ЗМЕИ

УРАВНЕНИЕ СО ВСЕМИ ИЗВЕСТНЫМИ

ФАНТАЗЕРКА

ЦЕЛЮЮ РУЧКИ

ШКОЛА ДЛЯ ТОЛСТУШЕК

«ЖРЕБИЙ ПРАВЕДНЫХ ГРЕШНИЦ»

СИБИРЯКИ

СТАТЬ ОГНЕМ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

НАСЛЕДНИКИ

НАТАЛЬЯ
НЕСТЕРОВА

*Жребий праведных грешниц
Возвращение*

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н56

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Фотография автора — Ян Сизов

Оформление — Александр Шпаков

Нестерова, Наталья.

Н56 Жребий праведных грешниц. Возвращение : [роман] / Наталья Нестерова. — Москва, Издательство АСТ, 2017. — 352 с. — (Пазлы. Истории Натальи Нестеровой).

ISBN 978-5-17-099342-0

Великая Отечественная война. Блокада Ленинграда. Семью Медведевых ждут тяжелейшие жизненные испытания, череда обретений и утрат, им предстоит познать беспредельную силу духа, хлебнуть немало горя. Эта книга о силе и слабости человеческой, о самопожертвовании и женской любви, которая встает как проклятие или благословение, разрывает связи с близкими людьми и уничтожает надежду на будущее, но помогает выстоять в войне против жестокого врага, ибо дает любящей женщине колоссальную силу. Жизнь героев романа, как жизнь миллионов людей, уложилась в исторические рамки бытия советского государства.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Н. Нестерова, 2016
Все права защищены
© ООО «Издательство АСТ»,
2017

ISBN 978-5-17-099342-0 (Пазлы)

ОТ АВТОРА

Работа над трилогией подарила мне радость открытия, что не только профессиональные историки, краеведы, этнографы владеют знаниями о прошлом России, но и очень много простых людей оставили воспоминания поистине уникальные. Это касается всех периодов и мест, которые были для меня важны: Сибирь начала прошлого века, предвоенный быт, Курск во время немецкой оккупации, ленинградская Блокада. Моя глубокая благодарность тем, кто передавал рассказы очевидцев из уст в уста, кто записал их. Это наша история, пропущенная через судьбы.

Моя глубокая признательность специалистам разных областей за интересные и толковые консультации: Е.М. Дутовой, О.В. Буратынской, М.А. Жигуновой, Л.А. Ивановой, И.М. Плаксину, Л.И. Лариной, В.М. Губареву.

Ирине Николаевне Умеренковой — низкий поклон за помощь, поддержку и доброту.

Мое восхищение профессионализмом редакторов О.А. Павловой и Татьяны Николаевны Захаровой, обладающей редкой способностью найти и исправить ошибки столь деликатно, что автор не краснеет и не тушуеться.

Мария Сергеева, заведующая редакционно-издательской группой АСТ, по возрасту годится мне в дочери, и в то же время она — «повивальная бабка» всех моих книг, начиная с первой, выпущенной много лет назад. Как важны добрые и умелые руки, принимающие новорожденного ребенка, так и для книг значимо отношение тех, кто читает их в рукописи. Разница заключается в том, что мы, как правило, не знаем тех, кто первым взял нас на руки, а редактору имеем возможность выразить искреннюю благодарность. Что я и делаю с желанием уточнить понятия: «повивальная бабка» давно превратилась в доброго ангела.

Подготовка книги к печати, ее продвижение и распространение — это труд многих людей, чьи имена не значатся в выходных данных книги. Сотрудникам издательства АСТ, команде, которая трудилась над моей трилогией, — огромное СПАСИБО!

Я не знаю, как благодарить моих главных вдохновителей: мужа, детей, внуков, невесток, друзей — как не знаю слов благодарности воздуху, которым дышишь.

Посвящается ленинградским блокадникам,
павшим и живым. Всем, кто о них помнит.

Часть первая
Накануне войны

*Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
Живородящая святыня!
Земля была б без них мертва,
Как раскалённая пустыня
И как алтарь без божества.*

А. Пушкин

*Мать — творит, она охраняет...
Мать — всегда против смерти.*

М. Горький

Ленинград

Весной 1941 года знакомый сапожник сказал Марфе (не для передачи, и языком трепать не надо), что война точно будет и накопления на сберкнижках держать нельзя — реквизируют, а что под матрасом спрятано — обесценится, сама помнишь, как в Гражданскую было, когда деньги в фантики превратились. Сапожник был знающий: у него в мастерской имелся радиоприемник, включенный с утра до вечера. Когда сапожник впадал в запой, его жена приемник уносила и прятала — таков был строгий наказ трезвого мужа, не уверенного, что в пьяном угаре не пропьет дорогую и ценную вещь. Марфа сапожнику доверяла еще и потому, что работал он на совесть, прибитые им подковки не отваливались от каблуков, а подметкам сносу не было. Сапожник питал к Марфе некую слабость, не в амурном смысле, а за оценку его труда. Когда сапожник запивал, Марфа не шла к другим мастерам, а дожидалась его выхода на работу.

У Марфы было накоплено шестьсот рублей — за обучение старшего сына Митяя в девятом классе осенью надо заплатить двести, за десятый класс потом еще двести плюс подсобрать на обучение в институте, в который Митяй, конечно, поступит.

«Образовательные» деньги Марфе было тратить обидно и горько, ведь копейку к копеечке собирала. Но выхода

нет. Война — лихолетье, в котором выживают только запасливые хозяева, вроде ее покойной свекрови.

Александра Павловича Камышина, в семье которого Марфа уже много лет, еще с Омска, состояла в домработницах, она спросила при случае:

— Имеются у вас деньги на сберкнижке?

Он кивнул, удивился вопросу: Марфа была щепетильна до крайности в финансовых делах и экономна до жмотства.

— Могу я поинтересоваться, на что тебе понадобились деньги?

— Война с немцами будет.

— Исключено, мы с ними подписали договор о ненападении.

— У меня точные сведения, — упрямылась Марфа.

— Да? — благодушно хохотнул Камышин. — От кого, позволь спросить? Ты имеешь связи в органах зарубежной разведки?

— Какие надо связи, такие и имею. Сколько у вас накоплено?

— Рублей пятьсот.

Негусто, меньше, чем в кубышке у Марфы. Впрочем, неудивительно — при транжирстве-то Елены Григорьевны, жены Камышина.

— Завтра же и сымите. Буду запасы делать.

— Марфа, милая, — снова рассмеялся Камышин, — ты можешь подорвать финансовую мощь государства. Если все поддадутся панике и станут забирать накопления, случится денежный коллапс.

— Мне до всех дела нет, свое домохозяйство перед лихолетьем надо укрепить-обеспечить. Дык, сымите?

Марфа нервничала, потому что он тянул время и смотрел на нее с насмешливым обожанием.

Камышин любовался ею: статная, налитая женской силой, которую не скроешь за мешковатой одеждой.

В сорок пять лет Марфа выглядела так, что мужчины, общаясь с ней, приосанивались, расправляли плечи, задирали брови, стреляли глазами. Имей бы, как петухи, перья, призывно встопорщили бы их, будь парнокопытными, выбивали бы дробь конечностями. Но Марфа была равнодушна к мужским ухаживаниям. С Камышиным ее связывали непростые отношения — давние, Марфой пресеченные решительно и бесповоротно.

— Сымите? — повторила она, поджав губы.

— Как прикажешь.

— Спасибо, барин! — поклонилась Марфа и вышла.

Она называла Александра Павловича барином, когда рослилась на его поведение. Камышин терпеть не мог этого обращения.

Марфа принялась закупать продукты долгого хранения — крупы, муку, макароны, сахар, соль, хлеб сушила на сухари. Однажды Камышин, возвращаясь с работы, встретил у парадного Марфу, которая тащила два мешка — один огромный, другой поменьше.

Александр Павлович забрал у нее ношу и спросил:

— Что у тебя тут?

— Клей столярный, — ткнула Марфа на большой мешок, — и лаврового листа по случаю перепало.

— Зачем тебе столько клея? — поразился Камышин.

— Дык его из костей варят.

— Марфа, ты умом тронулась? Собираешься нас клеем кормить? — Камышин остановился на ступеньках.

— Путь будет. — Марфа попыталась забрать у него мешки, но Камышин не отдал. — Съедобное всё ж таки. Вы голоду настоящего не знали.

— А ты знала?

— Нет, потому что у меня свекровь была мудрая женщина.

— Полнейшая ерунда! Сожрут мыши все твои запасы, помяни мое слово.

— А я кота завела, настоящего крысолова, выменяла на сковородку чугунную.

— Если уж ты настолько озабочена предстоящим голодом, — с издевкой проговорил Камышин, — то завела бы дюжину котов и собак. Мясо всё ж таки, — передразнил он.

Через полгода в Ленинграде не останется домашних животных — все они будут съедены, мыши передохнут сами собой, а крысы, напротив, размножатся.

Но еще до начала Войны произошло событие, повлиявшее на будущее семей Медведевых и Камышиных.

Марфа схватила кухонное полотенце и принялась стегать сына. Минуту назад Митяй сообщил, что Настя Камышина от него беременна.

— Ах ты, ирод! Варнак! Переселенец! — кричала Марфа.

В свое время, когда в Сибирь хлынул народ из центральной России и Украины, слово «переселенец» у коренных сибиряков стало ругательным.

Петр, отец Митяя, гыгыкал, глядя, как жена лупит сына, а тот слабо отмахивается. Петр всегда гыгыкал по любому поводу и без повода. Когда нормальные люди открывают рот, чтобы словами донести свое мнение о происходящем, из уст улыбающегося Петра вырывается: «гы-гы-гы». Сослуживцы, Петр работал кочегаром-истопником, и соседи принимали его за недоумка. И только близкие знали, что еще никому не удалось выиграть у Петра Еремеевича в шахматы, что он складывал в уме пятизначные числа, что, фанат-рыболов, он всегда приходил с большим уловом, ему были известны повадки каждого вида рыб. Кроме шахмат, праздных арифметических упражнений и рыбалки, Петра более ничего не волновало. Для окружающих он был физически сильным полуидиотом.

— Язви ты черти! — разорвалась Марфа. — Ты пошто девку спортил?

Как и все Медведевы, Марфа была высокого роста, но двухметровому Митяю доходила только до носа. Ему надоело уворачиваться, тем более что мама обладала нешуточной силой и полотенце хлестало больно.

Он захватил полотенце, притянул за него мать, крепко обнял:

— Мам, хватит! Не портил я ее. Так получилось. Случайно...

— Дык, разве случайно девки брюхатеют, — обмякла Марфа и, всхлипнув, уткнулась сыну в грудь. — Как я теперь барину и барыне в глаза посмотрю?

— Я заметил, — Митяй широко улыбнулся и погладил мать по спине, — что, когда ты злишься или волнуешься, переходишь на сибирский говор. И еще называешь Елену Григорьевну и Александра Павловича барами. Какие они баре? Простые советские труженики, интеллигенты.

— Ага, Елена Григорьевна особо труженица у нас.

Критику в адрес хозяйки ни отец, ни сын не восприняли серьезно. Марфа пылинки сдувала с Елены Григорьевны, относилась к ней как к хронически больному ребенку. Этому ребенку было за сорок лет и она выкуривала две пачки папирос в день.

С улицы прибежал Степан, младший, тринадцатилетний сын Медведевых. Увидел обнимающихся мать и брата.

— Кто-то помер? — с испуганным интересом спросил Степан. Интересом было значительно больше, чем испуга. Не дожидаясь ответа, сообщил: — В двадцать четвертом корпусе дядька умер, сейчас выносили, на лестнице, на повороте гроб не вписался, мертвец чуть не выпал...

— Я тебе! — показала Марфа ему кулак. — Цыть!

Степан юркнул под мышку к отцу, который продолжал гыгыкать.

Марфа отстранилась от сына, взглянула на него с любовью и болью:

— Тебе лет-то сколько...

— Шестнадцать. Зато Насте восемнадцать.

— Какие из вас родители, малолетки!

— Переведусь в вечернюю школу. Пойду работать.

Степан ткнул отца в бок:

— Про что они?

— Настя, гы-гы, от Митяя, гы-гы...

— Завеременела?.. забережемевневе... — запутался Степан.

— Гы-гы, — подтвердил отец.

— В двадцать шестом корпусе, — в голос, громко перебил беседу матери и брата Степан, — тоже девушка нагуляла, так ее мать по коридору за косы таскала, от квартиры к квартире, чтобы выяснить кто...

— Уши после вчерашнего зажили? — спросил Митяй брата.

Он уже давно не прикладывал младшего брата по-настоящему, трудно было силу рассчитать, крутил за уши, когда Степка проказничал. Степень усилий легко определялась по визгу младшего брата, и Митя прекрасно слышал, когда Степка вопит притворно, а когда ему действительно больно и страшно, что без ушей останется.

Степка был смышленным, учился отлично, домашнее задание делал за двадцать минут. Но не потому, что школу и учебу любил. Хотел быстрее отделаться — и на улицу. Если в дневнике двойки и тройки, то мать на улицу не пустит, а Митька уши выкрутит, потом они как у слона. Если уши слона в кипяток опустить и сварить.

Степка был артист и хулиган. Прекрасно подражал голосам соседок. Мог постучать в их двери, попросить: «Маня (Глаша, Вера, Таня...), сахару не одолжишь?» И вместе с приятелями убегал, прятался за дверью на общую кухню. Женщины выходили и пялились друг на друга, выясняли, кто у кого одолжиться хотел. Потеха!

Проказы с кошельками на веревочке, пятакими, приклеенными к мостовой, которые «счастливые» облада-

тели найденного поймать или отодрать не могли — это все Степка Медведев. И еще он обожал многолюдное действо: похороны, поминки, свадьбы, соседский мордобой, женские кухонные склоки. Стоял где-нибудь в уголочке (в окружении приятелей, конечно) и в нужный момент мог гаркнуть: «Так она сама его в гроб загнала!» или: «Глядь, какая на ней кофта! У Маруси тридни назад такая пропала — чистая стиранная, с веревки», или: «Соли-то вам в борщ Верка бухнула. А вы думала, что дважды посолили». Кухонная бабья перебранка, привычно и мирно булькающая, превращалась в громотрясное извержение вулкана.

Елена Григорьевна Камышина говорила про Степку:

— Это больше, чем талант. Это дар. Прирожденный режиссэр, — Елена Григорьевна многие слова произносила на дореволюционный манер.

Марфа качала головой:

— По тюрьмам да острогам этот режиссэр будет театр наводить.

Ночью Марфа плохо спала, хотя обычно, намаявшись за день, засыпала как убитая — из пушки пали до пяти утра не добудишься. В пять, точно по внутреннему будильнику, открывала глаза, начинался рабочий день, который в лучшем случае заканчивался в десять вечера — это если Елена Григорьевна не загуляет, не придется ее дожидаться из театра, ресторана или из гостей. Вставать рано Марфа привыкла с детства, с крестьянских юности и молодости.

Одoleвали тревоги за будущее старшего сына, напознали как злые муравьи, подступали к сердцу, но впитаться не могли, смывало их волной — радостью сознания того, что на свет появится новый человек — ее, Митенькино, Еремея Николаевича Медведева, царство ему небесное, продолжение. Того, что ее сын не от мужа рожден, а от свекра, не знала ни одна живая душа. Петр детей не